

ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ В.Е. МАКСИМОВА

К.О. КАЧУРИН

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российского университета дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия

В статье исследуются особенности жанрово-стилевой структуры публицистики В.Е. Максимова как индивидуальной формы одного из литературных жанров.

Творчество В.Е. Максимова (1930-1995) - примечательное явление в истории русской литературы второй половины XX века. Незамеченной осталась его первая книга "Поколение на часах" (Черкесск, 1956), где были собраны весьма посредственные стихи, не поднимавшиеся выше уровня газетной поэзии районного масштаба. Но появившиеся несколько позже повести "Мы обживаем землю" (1961) и "Жив человек" (1962) свидетельствовали о появлении нового талантливого писателя, рассказывавшего о неустроенной, трудной жизни людей, которые ранее не встречались на страницах тогдашних книг.

Однако по мере его творческого развития в написанном В. Максимовым все отчетливее звучат трагические ноты, все острее оказываются коллизии, в которых обнажается социальное неблагополучие, царящее в советском обществе. Романы "Семь дней творения" (1971) и "Карантин" (1973) уже не могли увидеть свет в подцензурных советских изданиях - публикация их в самиздате и на Западе закрепили все более резко выявляющееся отчуждение В. Максимова от советской литературы. Исключенный в 1973 году из Союза писателей, он в 1974 году эмигрирует во Францию и уже в сентябре того же года издает первый номер журнала "Континент", очень скоро ставшего наиболее авторитетным периодическим изданием в русском зарубежье.

Активность социальной позиции писателя вполне выявляется уже при обращении его к жанрам рассказа, повести, романа: они написаны художником, страстно утверждающим свои (основывающиеся, как выясняется, на христианских ценностях) мысли о жизни, о положении человека в современном обществе. Утверждению буквально выстраданных им позиций всецело подчинена публицистика, занявшая - в особенности во время пребывания в вынужденной эмиграции - исключительное место в его творческой деятельности.

Публицистика уже по природе своей является средством прямого общения писателя с читательской массой, обращена к социуму. Это всегда - форма полемически заостряемого монолога, цель которого - убедить читателя в своей правоте, привлечь его на свою сторону. В таком монологе личность автора отчетливо обнаруживает себя не только в строе мыслей (часто - в страсти их выражения), но и в пафосе, в стиле. Здесь точность изложения, строгость аргументации охотно уступает место многозначности, эмоциональной

насыщенности слова, образности. Разумеется, и публицист озабочен более всего тем, чтобы донести до читателя свою собственную концепцию, идею и тем самым побудить его к действию. Цель публициста - не просто убедить читателя в справедливости своих суждений, но возбудить в нем на этом основании эмоциональный подъем, толкнуть на определенные поступки. Публицистике противопоказана беспристрастность, задача публициста - убеждать и внушать, занимая активную общественную позицию, проповедывать, поучать. Право на это дает ему убежденность в том, что его система концепций, идей - единственно верная, ибо опирается на привлекаемые им факты, которые сами по себе яркие, выглядят неоспоримыми.

Особое место в структуре публицистического текста принадлежит образности. Понятие это неизбежно возникает при обращении к художественной литературе как искусству слова. Но оно уместно и там, где речь заходит о публицистике, однако с учетом того обстоятельства, что в этом случае образность обладает иными свойствами. Об этом говорится, например, И. Архиповым: "Публицистический образ не меняет характера постижения действительности - он остается рациональным. Это связано, в частности, с тем, что "сквозь" публицистический образ, как бы ни был он "насыщен" тропами и фигурами, все время "просвечивает" его понятийная основа. Этому способствуют, во-первых, понятия, которые входят в структуру самого образа, а во-вторых, присущий ему схематичный характер отображения прообраза. Схематичность, которая явно проступает в публицистических образах, определяется высокой степенью обобщения, свойственной не только образу в целом, но и отдельным его деталям. (...) Всегда образ художественный, отображающий жизнь во всем ее многообразии, будет многоплановым, а публицистический, способствующий только политическому постижению действительности, - одноплановым" [1, с. 48 - 49].

Следует сказать и еще об одном обстоятельстве: в художественной литературе произведение - плод писательского воображения (оставим в стороне тот факт, что оно имеет в своем основании реальность) и служит индивидуализации изображаемого, тогда как публицист более всего озабочен созданием эффекта доподлинности того, о чем он ведет речь, и с этой целью принципиально исключает все то, что может быть отнесено к области единичного. Хотя, разумеется, и в публицистике используются выразительные и образительные средства, авторская речь может быть украшена тропами с целью воздействия не только на разум, но и на сердце читателя. Другими словами, публицистическое слово - всегда слово пафосное, призванное воодушевлять читателя, насыщенное страстью. По В. Белинскому, здесь обязательно присутствие "идеи-страсти", которую писатель "созерцает (...) не разумом, не рассудком, не чувством (...), но всею полнотою и целостью своего нравственного бытия" [2, с. 312]. Благодаря этому между автором и читателем возникают отношения особого рода: в публицистике слово прямо адресовано читателю - за сказанным выступает реальная, а не условная фигура того, кому это слово принадлежит. Эффект присутствия в тексте автора, его открыто выраженной позиции является специфической особенностью публицистического высказывания: автор и читатель связаны здесь, так сказать, напрямую. Немаловажным является и то обстоятельство, что эта позиция публициста всегда общественно значима, его

цель, как уже было сказано выше, - побуждение к действию, о смысле, направленности и форме которого идет речь в тексте. В зависимости от состояния, в котором находится общественное мнение в данный момент, слово публициста может быть более или менее востребованным. Характерно, что потребность в нем значительно возрастает в переломные для общества (народа) времена, когда предельно обостряется борьба идей, концепций, мнений, когда официальной идеологии все более активно противостоит идеология оппозиционная, при том, что спектр последней всегда чрезвычайно широк, характеризуется противоборством представлений о единственно верных путях развития общества.

Все это необходимо иметь в виду при обращении к публицистике В. Максимова.

По признанию самого писателя, он считал себя диссидентом и до высылки "не вписывался", "всегда высказывался в резко антикоммунистическом духе, не понимал той системы, не принимал ее и принять не могу" [3]. И, оказавшись в вынужденной эмиграции на Западе, свое отношение к марксизму (коммунизму) характеризовал чрезвычайно резко: "Советская власть и коммунистическая система культивируют самое худшее в человеке, прежде всего ненависть к оппоненту. (...) Да, я против коммунизма. Я вообще нахожу коммунистическую идеологию преступной" [4, с. 8].

У В. Максимова, как было замечено проработавшим восемь лет в качестве его заместителя в редакции журнала "Континент" В. Некрасовым, "сердце у него доброе (хотя ум иной раз и злой)" [5, с. 95]. Да и Н. Горбаневская, сменившая В. Некрасова на указанном посту, вспоминает о "бешеных колонках редактора, который терпеть не мог то явление, что Солженицын окрестил "нашими плюралистами", а сам Максимов - вслед за Ионеско - "носорогами"... [6, с. 307]. Но объясняется это прежде всего не только действительно сложным - взрывным - характером В. Максимова, а его упорным желанием говорить без обиняков, называть вещи своими именами, не боясь обидеть оппонента или просто читателя.

Пожалуй, с наибольшей силой общественный темперамент В. Максимова-публициста обнаружился в нашумевшем памфлете "Сага о носорогах" (1981), Используя встречающийся у Э. Ионеско образ, В. Максимов с убийственным сарказмом обличает "поистине растительную приспособляемость известной части "диалектически мыслящих" интеллектуалов к политическим обстоятельствам" [7, с. 31]. Это относится, в первую очередь, к так называемому "открытому обществу", где, по словам В. Максимова, "получают права гражданства и власти ложь и насилие. Молчать в этих условиях - значит, предать идеалы, за которые мы боролись у себя на родине, и людей, которые после нас пошли во имя этих идеалов в концлагеря" [7, с. 44]. Автор памфлета рисует сатирически выразительные портреты самодовольных, отстраняющихся от борьбы людей, охотно списывающих "собственные преступления за счет издержек философского поиска", выгодно эксплуатирующих создаваемые ими новые мифы "себе на материальную потребу" [7, с. 31]. Для русского писателя, обладавшего на родине "гордым сознанием своей правоты, какое дается человеку участием в общем противоборстве темной и безусловно злой силе (...), самым мучительным испытанием на Западе явилось смещение спектра этических,

эстетических и политических критериев, принятых здесь в оценках людей, событий, ценностей. Оказывается, что в общем-то все можно и все дозволено" [7, с. 30]. Эти обвинения в полной мере относятся и к приспособленцам - а их так много - из числа русских эмигрантов: "Писатели без книг, философы без идей, политики без мировоззрения, они сделали моральную эластичность своей профессией" [7, с. 31].

Круг тех, кому адресованы такого рода выпады, чрезвычайно широк: от собиравшихся в Мюнхене трусливых (как бы враги не использовали их речи) молодых сионистов и "авангарда еврокоммунизма" (самой, как уверяют входящие в ее состав "деятели", "независимой от Москвы компартии Запада") до Франсуа Миттерана с его выпендренной риторикой.

Пущенные автором "Саги" стрелы достигали цели: не названные по именам объекты уничтожающе резких сатирических обличений, узнав себя в нарисованном В. Максимовым коллективном портрете его бывших - а теперь с выгодой для себя изменивших прежним идеалам - соратников, обиделись. Одной из первых отозвалась М. Розанова (жена А. Синявского, с которым резко полемизировал В. Максимов, предложившая автору "Саги" публично извиниться и приостановить ее печатание; В. Максимов оценил это указание как поступок неприличный, как наглость. "Зоологически невеселыми очерками" назвал их некий Мартынов; в чем только ни обвиняли автора "Саги" Е. Каннак, Шмидт и др. - В. Максимов достойно ответил этим "оппонентам", знающим, "что нужно делать в демократическом обществе" [8, с. 258]. Но более всего возмутило его одобрение за "честное, смелое, свободное выступление" со стороны неизвестного ему В. Мельникова, выступившего от лица "молчаливого большинства". В. Максимов яростно клеймит это трусливое большинство, потакающее разгулу нечисти: "Где, в какой раковине, в каком подполье баррикадируешься Ты, когда оголтелое меньшинство беснуется среди белого дня, разрушая остатки фундамента, на котором еще держится хрупкое здание Свободы. (...) Это меньшинство уже довело Твою политическую структуру до того, что она готова сейчас (если не вынуждена!) броситься в смертельное для себя объятия "исторического компромисса" с дьяволом" [7, с. 43].

К жанру памфлета, используя его разящую силу, В. Максимов прибегает в своей публицистике очень часто. Он использует характерное для памфлета резкое и экспрессивное обличение, направленное не против отдельных фактов, а против политической, государственной системы либо конкретных, влиятельных в обществе политиков, литераторов. Памфлеты В. Максимова открыто тенденциозны, преследуют агитационную цель, рассчитаны на непосредственную реакцию широкой публики. В памфлете "Вся королевская рать" он находит гневные слова для характеристики правителей постсоветского государства: "...Режим, восторжествовавший сегодня в России, хуже, бессовестней и беспросветней прежнего, потому что предлагает обществу игру без правил, существование вне закона, и являет собою власть уголовной олигархии" [9, с. 53]. Он издевается над указами президента и распоряжениями исполнительной власти, вступающими в противоречие как с конституцией, так и с элементарной этикой [9, с. 116]. Не менее беспощаден он, когда говорит в "Зияющих высотах хамодержавия" о нынешнем руководстве писательского союза, всегда и везде услужающего власть имущим, о "писателях без книг, людях

без принципов, политиках без убеждений..." [9, с. 133]. Особенно достается от него "Галине Борисовне", как язвительно именуется он отечественную госбезопасность, рьяно гонявшуюся за "изменниками", тогда как "у нее под боком вызревали славные орлы, распродававшие оптом и в розницу все мыслимые государственные секреты" [10, с. 327]. Характеризуя позицию и политику Б. Ельцина, В. Максимов вспоминает печально знаменитую фразу одного из французских королей "Государство - это я!", цитируя новоявленных демократов В. Новодворскую, А. Нуйкина, А. Чубайса, гневно недоумевает: "Если это демократия, то что же тогда фашизм?" [9, с. 103].

Но, разумеется, обличениями В. Максимов-публицист не ограничивается: он напряженно размышляет о том, что может помочь России - народу, обществу - выстоять, уцелеть в сегодняшнее на редкость трудное - смутное! - время. Масштабность, значительность этих размышлений обусловлены пристальным вниманием писателя к проблеме самоопределения человека в мире, исполненном трагических противоречий, но еще - поисками причин сегодняшнего бедственного состояния России, поисками путей ее спасения. При этом он исходит из представлений о назначении, смысле литературного творчества, сделавших русскую литературу поистине великой: "В России писатель никогда не был только писателем - оттого, наверное, что общественная мысль, общественная деятельность, привычка к ней была слабой, неразвитой, инфантильной. Писатель был всем понемножку - и адвокатом, и духовником, и врачом - на все руки. А сейчас - тем более" [11, с. 399]. В русской литературе видит он "сплав языка и духовных богатств многих народов, судьба которых, к счастью или несчастью, сопрягалась во времени с трагической и яростной судьбой России" [12, с. 174]. Здесь объяснение позиции писателя, поистине будущего в колокола. Следует особо отметить, что освоение бытия - и в собственно эстетическом, и в публицистическом аспекте - у него происходит в религиозном освещении, пронизано тоской по христианскому идеалу, стремлением по мере сил своих способствовать восстановлению закрепленного исторической - христианской! - традицией духовного облика и мироощущения русского человека. "Я всегда кричал об одном и том же: "Люди, будьте людьми! Мы все-таки божьи создания", - так определяет свою позицию В. Максимов, убеждая, что выход для человека лишь один - "жить по совести, по вере" [13, с. 16]. И, страстно утверждая мысль о "бессмертной ответственности человека вообще, а верующего в особенности, перед будущим, а главное - перед Господом" [14, с. 285], В. Максимов выступает в роли пророка, заставляя вспомнить скорее о Ветхом, чем о Новом Завете.

Отсюда отмеченное выше пристрастие писателя к памфлету, точнее - к присущей этому жанру страстности тона, обличительному пафосу. При этом едва ли не всякий раз такие тексты воспринимаются не только как проповедь, но одновременно - и как исповедь. Право учить других основывается у В. Максимова на опыте собственной жизни - жизни человека, прошедшего через беспризорщину, скитания, заключение, на себе испытавшего голод и холод, тяжесть непосильно трудной работы, сумевшего подняться буквально с самого дна жизни. Обращение к прожитому им самим диктуется у В. Максимова желанием не рожалобить читателя, а подкрепить сказанное отсылкой к тому, во что невозможно не поверить. Говоря о власти, утвердившейся в России в августе

1991 года, В. Максимов сказал: "Это - смена надзирателей". Вызванные этим мрачные пророчества основывались не только на "элементарном знании истории всех революций" [9, с. 289]: что такое власть надзирателей, писатель знал не с чужих слов. В основании оценки роли интеллигенции в общественных процессах ("это нечто ужасающее") лежит жизненный опыт человека, прошедшего через лагерь, где он "к своему великому разочарованию столкнулся с такой беспредельной аморальностью, с таким вызывающим цинизмом, с такой мелочной алчностью, по сравнению с которыми коммунальная атмосфера моих детства и юности видится мне из сегодняшнего далека озоновым раем". Здесь, в лагере, будущий писатель вполне осознал, что в основе "психологического механизма, диктующего русскому интеллигенту способ существования и закономерности его поведения в обществе (...) лежит почти патологический эгоцентризм" [12, с. 353].

Обличение для В. Максимова - не самоцель. Гневно клеймя тоталитаризм, в начале девяностых годов воцаряющуюся в стране усилиями "вчерашних партократов" псевдодемократию, присущие интеллигенции дряблость душевных сил, слабость воли, склонность к демагогии, писатель настойчиво ищет выход из пугающей его ситуации, в которой оказалась современная Россия, и видит его в необходимости согласия, примирения. "Единственный выход, по-моему, если он вообще возможен, - в достижении согласия" [9, с. 298].

Присущая памфлету разящая сила слова неотделима в публицистике В. Максимова от свойственной проповеди страстности, эмоциональной заряженности, и это - традиция русской литературы. В. Максимов был убежден: "Русская литература всегда оставляла надежду. В этом вся суть. Вот ее действительно высокое назначение. Достоевский - это великая надежда, через катарсис - к надежде" [15, с. 158]. На вопрос "могут ли хорошие книги изменить мир к лучшему?" В. Максимов ответил с замечательной точностью: "Изменить - да. Но не спасти" [16, с. 49]. Но изменения эти, по его убеждению, должны были служить именно спасению мира. Потому-то писатель разговору с читателем предпочитает иную форму общения - он, по собственному выражению, кричит: "...Я кричал и буду кричать: люди, остановитесь! У нас остался единственный выбор - или колокол всенародного вече, или поминальный звон наших похорон, И поймите же: ей-богу, колокол не может предупреждать нас до бесконечности" [9, с. 300].

Рациональное начало является в публицистике структурообразующим. По отношению к публицистическим произведениям В. Максимова это верно лишь с оговорками: здесь явно сказывается дарование именно художника. И, прежде всего, оно обнаруживает себя в стремлении публициста воздействовать на читателя не только системой доводов, аргументацией интеллектуального толка, но выразительностью характеристик как персонажей, оказавшихся в центре внимания писателя, так и ситуаций (прежде всего - политических), о которых идет речь. Так выстроена "Сага о носорогах", где цепь зарисовок буквально с натуры, портреты встречающихся автору трусливых и изворотливых приспособленцев, пытающихся играть роль борцов за свободу и демократию, служат надежным основанием для вынесенной в заглавие презрительной клички. Убежденный антикоммунист, он находит убийственно резкие слова для новых правителей страны, расставшихся с партбилетами, но ни в чем не изменившихся:

"серые завлабы из занюханных НИИ и массовики-затейники из провинциальных КВН", они представляют собой в России "ее инородное тело, ее моральную болезнь, ее нравственную аномалию" [9, с. 53]. "Эти люди, - говорится в другом месте, - бездарно руководили, когда в руках у них была тоталитарная власть. (...) Получив власть демократическую, они оказались еще бездарнее" [12, с. 324]. И говоря о ситуации, сложившейся в России к началу 90-х годов, он неустанно повторяет, точнее, если использовать его собственные слова, кричит: "Страна неотвратимо движется к своему концу. К гибели [17, с. 161]; "Это агония, и не просто агония страны - агония целой цивилизации" [15, с. 151]; утверждающаяся в стране "форма существования общества" определяется как "люмпенизация. Причем люмпенизация на всех уровнях" (Там же). И еще: Стремительная криминализация России - это нынче национальная беда..." [9, с. 5].

Характеристики эти откровенно пристрастны, с ними можно соглашаться или не соглашаться, но объективность суждений и оценок, беспристрастность тона публицистике по природе ее заказаны. Самые мрачные пророчества В. Максимова, к счастью, не оправдались - он не дожил до того времени, когда его родная страна начала выбираться из кризисного состояния. Но важно подчеркнуть: находящийся в эмиграции писатель никогда не смотрел на происходящее в России со стороны. "...Я действительно являюсь частью страны, живя ее радостями и бедами. Физически я на Западе, а душой здесь", - говорил он во время одного из своих приездов в Москву [5, с. 8]. Следует сказать особо: В. Максимов мог обличать, клеймить, парировал звучавшие в его адрес резкие слова, но никогда не опускался до злорадства.

Публицистические тексты его чаще всего выстраиваются как обращенные к читателю страстные монологи, пронизанные отточенными формулировками. Так, корень порочности демократической системы "в ее традиционном понимании" он видит в том, что "демократия - это не выбор лучших, а выбор себе подобных" [9, с. 171]. Весьма критически относясь к эмиграции, писатель констатирует: "К сожалению, эмиграция - понятие не столько социальное или политическое, сколько психологическое. Это прежде всего - психология побежденных, которая живет жаждой отрицания" [12, с. 150]. Наконец, размышляя о правах человека, он так подводит итог этим размышлениям: "Разумеется, прекрасно, когда человек от рождения обладает всеми гарантированными ему законом правами, но еще лучше было бы, если бы он умел и хотел бороться за эти права. Свобода, за которую никто не хочет умирать, обречена" [12, с. 288].

Публицистика является для В. Максимова действенным средством в его неустанной борьбе за возрождение России, где тоталитарная система разрушена, но в жизни страны еще не утвердились подлинно демократические начала общественного устройства. Страна, убежден В. Максимов, "сегодня в опасности" [9, с. 298] и писатель призывает к ее преодолению. Трибуной для него являлся прежде всего журнал "Континент", но охотно использует возможности обратиться со своим словом к самой разной - широкой - аудитории в странах Европы, Америки, Ближнего и Среднего Востока. А как только перед ним открываются двери в редакциях (увы, далеко не многих) газет и журналов постсоветской России, он печатается в "Труде" и "Независимой газете", в "Московской правде" и "Известиях", в "Российской газете" и "Комсомольской

правде", резко, полемически заостренно выступая против радикальных и поспешных перемен как в общественной, так и в экономической жизни России. Но особенно часто, как это ни парадоксально, его имя встречается на страницах "Правды". Оставаясь "убежденным антикоммунистом" [9, с. 15, 22, 50], он приходит в газету, которая, по его словам, не ставит перед ним никаких условий, отзываясь о ней как о "действительно демократической", уверяя, что "никогда, ни в кои времена я не ощущал такой обратной связи с читателем, какая возникла у меня после публикаций в "Правде" [9, с. 301 - 302]. Впрочем, сам он, диссидент по натуре, соглашался с тем, что выступать с антикоммунистических позиций в коммунистической газете значит - оказаться поистине в "гоголевской ситуации", и объяснял это так: "...Когда коммунисты в оппозиции - они самые главные демократы" [18, с. 5].

Не приема идеологии, которая насаждалась в советской стране в эпоху господства тоталитаризма, В. Максимов столь же решительно возражал "против радикализации страны во всех областях - в политике, экономике, культуре, (...) против тотальной ревизии прошлого" [9, с. 24]. Борец и боец (наиболее яркое доказательство тому - его публицистика), писатель настойчиво повторял: ""Если не будет России, то вся моя жизнь абсолютно бессмысленна" [18, с. 6]

Этими словами определяется пафос творчества В. Максимова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов И. К вопросу о существовании собственно публицистического образа // Вестник МГУ. - Серия XI: Журналистика. - 1974. - № 5. - С. 48-49.
2. Белинский В. Полное собрание сочинений: В 13 т. - 1955. - Т. 7.
3. Максимов В. С душевной болью за Россию: Беседа с В. Большаковым // Правда. - 1995, 28 марта.
4. Максимов В. Будет ли лучше? Беседа с Е. Медведевым // Москва - 1992, май-июнь.
5. Переписка Сергея Довлатова с Виктором Некрасовым // Звезда. - 2006. - № 9.
6. Горбаневская Н. "Показать, каким был журнал на самом деле...": Беседу вела Е. Скарлыгина // Вопросы литературы. - 2007, март-апрель.
7. Максимов В. Сага о носорогах. - Франкфурт-на-Майне. - 1981.
8. Глэд Д. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. - М., 1991.
9. Максимов В. Самоистребление. - М., 1995.
10. Максимов В. Метаморфозы Галины Борисовны // Континент. - 1991. - № 67.
11. Максимов В. Тревога: Разговор с В. Максимовым (вела В. Иверни) // Континент. - 1980. - № 25.
12. Максимов В. Москва - Иерусалим // Максимов В. Собрание сочинений: В 8 т. - М., 1993. - Т. 9 (дополнительный).
13. Максимов В. "Если организм больной, то...": Беседа с А. Рафиковым // Театральная жизнь. - 1990. - № 16.
14. Максимов В. Интервью Би-би-си // Вестник русского христианского движения. - Париж - Нью-Йорк - Москва. - 1977. - № 120.
15. Писатель, диссидент, эмигрант, патриот: Беседа с В. Максимовым // Международная жизнь. - 1992, январь.

16. Максимов В. "Если б я знал, что все так обернется...": Беседа с Д.Ковалевым // На боевом посту. - 1993. - № 5-6.
17. Максимов В. "Я без России - ничто": Беседа с В. Морозовым 9 июля 1993 года // Наш современник. - 1993. - № 11.
18. Максимов В. "Я - христианский анархист: мне будет неудобно при самой идеальной власти...": Беседа с А.Щупловым // Книжное обозрение. - 1994, 27 декабря.

GENRE AND STILISTICS MAKSIMOV'S PUBLICICISM

K.O. KACHURIN

Department of World Literature
Peoples s Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaja str., 6, 117198 Moscow, Russia

Genre and stylistic peculiarities of Maksimov's publicism as one of the literary genre is the subject of this article.